

К.Ш.Джалилов¹, П.П.Солощенко²

¹Карагандинский государственный технический университет;

²Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Этика ответственности как императив современной научной деятельности

В статье рассмотрены философские аспекты обоснования смысла научной деятельности в условиях социальных трансформаций эпохи глобальной неустойчивости. Поставлены под сомнение традиционные для техногенной цивилизации ценности науки и научно-технического прогресса. Проанализированы основные философские концепции научной деятельности в контексте проблемы человеческих коммуникаций, преодоления отчуждения человека от им же порожденных социальных структур. Отмечено, что выход из ситуации кризиса состоит в придании научной деятельности гуманистического измерения. В качестве одного из аспектов этого положения сформулирована проблема нового облика науки, ориентирующегося на этику ответственности, ее нравственные требования.

Ключевые слова: современный мир, общесоциальный статус науки, культурный статус науки, социогуманитарные исследования, социальная практика, модернизация научной деятельности, сциентизм, антисциентизм, человеческие чувства, межличностные отношения.

В условиях постоянно возрастающего значения научной деятельности в современном мире дискуссии об общесоциальном и культурном статусе науки, а также об этических факторах научной деятельности не только продолжают оставаться в центре внимания социогуманитарных исследований, но и получают новые импульсы со стороны социальной практики, требующей от науки оптимального сочетания трансцендентных прорывов к новым знаниям о действительности с ответственностью ученых за гуманитарную эффективность полученных результатов и доступность их для большинства людей в планетарном масштабе. Жесткое противостояние сциентизма и антисциентизма, сопровождавшее данную дискуссию на протяжении всего XX столетия, особенно его второй половины, примечательно тем, что аргументы сторон так и не достигли цели — убедить оппонентов в правильности своей позиции и выйти на новый этап модернизации научной деятельности в интересах всего человечества. Антисциентисты уверены, что вторжение науки во все сферы человеческой жизни делает ее бездуховной, лишенной высших, не поддающихся расчетам и вычислениям смыслов, что разрушает жизненный мир подлинности человеческих чувств и межличностных отношений. В результате возникает неподлинный мир, который сливается со сферой производства и необходимостью постоянного удовлетворения все возрастающих вещистских потребностей. Все многообразие проявлений человеческого в человеке сводится лишь к одному технократическому параметру. А возникающие, как следствие непрерывно ускоряющегося научно-технического прогресса, перегрузки и перенапряжения, которые выпадают на долю современного человека, не только являются симптомами болезненного состояния общества, но и формируют частичного, «одномерного человека» (Г.Маркузе), страдающего «профессиональным кретинизмом» (К.Маркс). Сциентисты, напротив, видят в науке рациональное ядро всех сфер человеческой жизни, благодаря которому жизнь индивидуума и социума может и должна стать организованной, управляемой и успешной. Наука, являясь производительной силой общества, обладает и безграничными познавательными возможностями, и значительным потенциалом в деле преобразования не удовлетворяющих человека состояний окружающего мира. Общее возрастание стандартов качества жизни для всего планетарного сообщества показывает, что науке

под силу решать все острые проблемы цивилизационного развития человечества. В итоге дилемма сциентизм — антисциентизм предстает как извечная проблема культурного и социального выбора. Однако современная философская мысль тяготеет к преодолению этих полярных мировоззренческих позиций, выдвигая в качестве принципиального положения тезис о двойственности характеристики науки [1; 141, 142].

С одной стороны, наука функционирует как результат деятельности ученых. Поэтому, не поняв закономерностей этой деятельности, невозможно полностью разобраться в закономерностях развития науки. Но, с другой стороны, сами ученые как профессионалы сформированы наукой, ее условиями и требованиями. Поэтому с неменьшим основанием можно утверждать и то, что, не поняв закономерностей функционирования науки, невозможно понять поведения ученых. Определенные формы деятельности, поведение людей науки являются и условием функционирования науки как социального института и, одновременно, его следствием. Наука, таким образом, определяется в системе социальных отношений не как совокупность действий отдельных ученых и научных сообществ, одобряемых в рамках того или иного варианта конвенционализма, а как результат их взаимодействия в интересах всего общества. Именно такой подход лег в основу основных философских концепций научной деятельности, в которых этико-гуманистические ориентиры обосновываются как исходные пункты в определении стратегии научной деятельности.

Автор феноменологической концепции Э.Гуссерль трактует науку как сознание в его смыслах. Единственный доступ к смыслам дает анализ сознания, которое интенционально (направлено на познаваемый объект) и конституируется как единство сочетаний многообразия переживаний с присутствующими ему инвариантами, постигаемыми в акте интеллектуальной интуиции. Следуя этим путем, наука открывает смысл в объективной действительности. В мире, воспринимаемом сознанием, деятельность которого укоренена в повседневном опыте и определяется характеристиками жизненного мира человека, «принципиально осуществима универсальная индуктивность (усмотрение в отдельных актах сознания идеального)» [2; 158]. Если это отрицать, то невозможно объяснить и саму возможность научных утверждений, и способ обоснования их достоверности. Согласно Гуссерлю, идеальные предметности нельзя обнаружить в реальных телах на опыте, в эксперименте, в практическом производстве, они обнаруживаются непосредственно только благодаря идеализирующей духовной деятельности, выделению инвариантного начала во всех мыслимых вариациях пространственно-временных форм реальности. Найденное в процессе деятельности сознания объективно-идеальное обладает безусловной всеобщностью для всех людей, воспроизводится в межсубъектном смысле [3; 243]. Таким образом, научная деятельность связывает между собой два основных уровня действительности — уровень первоочевидностей (исходных впечатлений от познаваемых объектов) и уровень идеальных очевидностей (смыслов, конституируемых сознанием). Именно в таком качестве наука включена в жизненный мир человека. Отсутствие постоянной корреляции между жизненным миром человека, миром первоочередностей, и миром идеальных сущностей знаменует собой, по Гуссерлю, кризис техногенной цивилизации. Не сама научная деятельность несет опасность для человека, а игнорирование человеком подлинного статуса науки. Научная деятельность — это не только мир объективно-идеальных сущностей, но и пути их достижения, способность науки соответствовать запросам жизненного мира. Забвение последнего делает науку абстрактом математизации, формализации, технизации. Но такая наука несостоятельна и бессильна перед вызовами времени.

Онтологическая концепция М.Хайдеггера интерпретирует науку как теорию действительного, которая требует противостояния предмета субъекту и субъекта предмету [4; 58–59]. В ходе этого противостояния вырабатывается метод, в котором главное внимание обращается на то, как вещи ведут себя в порядке правил, общей схемы. Поэтому научная деятельность — это конструирование и навязывание существу схемы предметного противостояния, рассмотрения, согласно методу, картины мира как совокупности представлений. По Хайдеггеру, в античности и средневековье не было науки, поскольку люди принимали сущее во всей его открытости и противоречивости, а не представляли его себе, и мир не становился картиной. Наука, возникшая в Новое время и ставшая серьезной силой в современном мире, действует грубо и прямолинейно, довольствуется обычным и средним, будучи не в состоянии понять неповторимое и редкостное, обедняет мир, редуцируя бытие к предметности, бессильна перед событием как единичным [4; 248–250]. Выход из этой печальной ситуации М.Хайдеггер видит в творческом осмыслении перспектив научной деятельности каждым из ее участников, в наполнении научной деятельности жизненным смыслом. «Хотя науки на своих путях и своими средствами как раз никогда не могут проникнуть в существо науки, все же каждый исследователь и предпо-

даватель, каждый человек, занятый той или иной наукой, как мыслящее существо способен двигаться на разных уровнях осмысления и поддерживать его» [4; 252].

С позиций герменевтической концепции научная деятельность не может считаться продуктивной, если она не включает в себя герменевтический компонент — первостепенное внимание к человеческой коммуникации, реализующейся в среде языка; движение в герменевтическом круге как интерпретация, позволяющая расширить горизонты понимания; диалектика вопросов и ответов, реализуемая в диалоге; единство понимания и его применения на практике [5; 616–624]. Результат любой научной деятельности — это своеобразный текст, который нуждается в интерпретации и понимании. Любая наука создается людьми и для людей, а значит, понимание — неустранимый момент научной деятельности. Используя герменевтический потенциал интерпретации, мы в состоянии наладить диалог между учеными и не-учеными, благодаря которому состоится расширение горизонтов науки, станет возможным критическое отношение как к неконструктивным призывам отказаться от науки, так и к абсолютизации ее когнитивных претензий.

Критическая концепция франкфуртской школы усматривает главную проблему отрицательного отношения к науке в современном обществе в стремлении научного сообщества освободить науку от ценностей, окончательно разорвать связь между самой наукой и тем, чем она не является [6; 81–85]. Но тем самым наука самоустраняется от своей важнейшей задачи — укрепления социального прогресса путем публичного употребления разума. Наука призвана освободить человека от угроз со стороны любых форм тоталитаризма: политического, технологического, информационного и т.д. Наука формирует основы компетентности, коммуникативной рациональности [7; 63]. Для представителей франкфуртской школы научная деятельность — это способность критически относиться к действительности и учиться на опыте, что формирует идеальное коммуникативное сообщество, разрешающее свои проблемы через налаженную коммуникативную рефлексию и постепенно приближающееся к истине.

Как мы видим, основные философские концепции научной деятельности ясно обозначают ключевое противоречие в современном состоянии — неспособность ученых быть критичными по отношению к самой науке, проявляющаяся в отсутствии среди критериев значимости научного исследования требования коллективной и индивидуальной ответственности ученых за последствия внедрения научных разработок в окружающую среду, социальную организацию, телесно-духовное пространство человека. Полностью положившись на веру во всемогущество науки и ее методов, ученые допустили превращение всего мира только в объект, притом воспроизводимый и прогнозируемый по шаблонам самой науки. Отношение к миру только как к объекту обернулось неконтролируемым произволом бесконечных экспериментов с непредсказуемыми последствиями (вспомним хотя бы о «неизвестном» происхождении ВИЧ-инфекции), «терроризмом лабораторий» (Х.Ортега-и-Гассет) (здесь можно упомянуть о пандемии «свиного гриппа»), обогатившей фармацевтические кампании с их научно-исследовательскими подразделениями). Все это заставляет поставить принципиальный вопрос о дальнейшем развертывании научной деятельности на основе этики ответственности.

Безусловно, обоснование необходимости отношений науки и этики, а также прояснение характера этих отношений имеют давнюю традицию. Занимаясь научным исследованием, ученый не может отбросить свои родовые, общечеловеческие качества, оценочные способности и нравственные установки. В результате в научную деятельность неизбежно вносятся этические проблемы. При этом решение этических вопросов, возникающих в ходе научной деятельности, зависит, с одной стороны, от тех обычных человеческих качеств ученого, которые не прекращают своего существования в моменты занятий наукой, а с другой — от того исторически сложившегося набора моральных норм, который действует в рамках научного сообщества. Нормы выражаются в форме позволений, запрещений, предписаний, предпочтений и т.п. Эти императивы, передаваемые наставлением и примером и подкрепленные санкциями, составляют «этнос науки» — основу профессиональной этики ученых. Научный этос, определяя, в первую очередь, условия получения достоверного знания методологически безупречным образом, в то же время обязывает ученого к определенному поведению не только потому, что оно эффективно в научных процедурах, но и потому, что в правила этого поведения верят и признают их обязательными с нравственной точки зрения.

Наиболее известный вариант нормативного этоса науки был разработан в 40-е годы XX в. американским социологом Р.Мертонем. В его концепции основу нормативного этоса науки составляют четыре императива. Императив «универсализма» порождается внеличным характером научного знания. Утверждения науки универсальны в том смысле, что их истинность не зависит от того, кем

они высказаны. Под универсализмом понимается независимость результатов научной деятельности от личностных характеристик ученого, поэтому ограничение продвижения в науке на основании чего-то иного, кроме недостатка научной компетентности, — прямой ущерб развитию знания. Универсализм обуславливает интернациональный и демократичный характер науки. Императив «коллективизма» предписывает ученому незамедлительно передавать полученные результаты в общее пользование, сообщать о своих открытиях всем ученым без ограничений. Научные открытия являются продуктом социального сотрудничества ученых и принадлежат всему научному сообществу. Императив «бескорыстности» требует от ученого руководствоваться в своей деятельности исключительно стремлением к отысканию истины, не приспособлявая научную мысль к получению личной выгоды. Императив «организованного скептицизма» не допускает принятия любого научного положения без тщательной, всесторонней проверки. Данный императив предписывает ученому подвергать обоснованному сомнению как свои, так и чужие открытия и выступать с публичной критикой любой работы, если он обнаружил ее ошибочность [8; 132, 133].

Идеи Р.Мертон позволили по-новому взглянуть на проблему научной этики, обратить внимание не только на результаты научной деятельности, но и на условия, влияющие на получение этих результатов. Однако в общем концепция Р.Мертон не вышла за пределы интересов самой науки: этические нормы должны обеспечивать получение научных знаний, создавать условия для их непрерывного роста. То есть ученый несет ответственность за результаты своей научной деятельности, но только в рамках правил, установленных самой этой деятельностью, все более превращая науку в бесконечный процесс кумуляции научного продукта, созданного учеными по единым и полезным для их деятельности нормам. Считая традиции науки предельно устойчивыми в силу ее абсолютизированной рациональности, Р.Мертон не рассматривал нормы научной деятельности как нуждающиеся в постоянном обсуждении на предмет их соответствия вызовам времени, не прогнозировал необходимости придания им гибкости и способности к самообновлению на основе включения в сферу научных интересов всей целостности бытия и душевно-духовной уникальности мироздания. А именно это и требуется в условиях, когда наука перестает соответствовать своим претензиям на успешное решение проблем цивилизации, более того, когда разрыв между мощью научного знания и способностью человечества распоряжаться этим знанием на благо жизни достиг критической отметки, на которую указывают перманентные экологические и техногенные катастрофы настоящего времени. Поэтому и продолжается поиск иных этических регулятивов научной деятельности. Этим целям отвечает принципиальное положение о том, что чисто научный прогресс не в силах сам по себе способствовать установлению между людьми согласия, без которого невозможно достижение более или менее устойчивого благополучия в социальных отношениях. Значит, необходим выход науки за пределы нашего времени, участие самих ученых в обосновании и утверждении новой этики ответственности [9; 163–164].

Именно на этом настаивал выдающийся гуманист XX в. А.Швейцер, предлагая свою этику «благословения перед жизнью», в которой всякое истинное познание переходит в переживание и заставляет человека мыслить и удивляться красоте многообразия проявлений живого. «Сегодня кажется не совсем нормальным признавать в качестве требования разумной этики внимательное отношение ко всему живому, вплоть до низших форм проявления жизни. Но когда-нибудь будут удивляться, что людям потребовалось так много времени, чтобы признать несовместимым с этикой бессмысленное причинение вреда жизни. Этика есть безграничная ответственность за все, что живет» [10; 315]. При этом в этических конфликтах человек может принять только самостоятельное решение. «Никто не может за него сказать, где каждый раз проходит крайняя граница настойчивости в сохранении и развитии жизни. Только он один может судить об этом, руководствуясь чувством высочайшей ответственности за судьбу другой жизни» [10; 316].

Этика ответственности становится настоятельной потребностью с позиций достижения лучшего будущего. Характер научной деятельности ученых вынуждает занять их определенную этическую позицию, основой которой являются, в первую очередь, благосостояние людей, их здоровье и безопасность. Фундаментальная задача обеспечения улучшения всего комплекса жизненно важных для человека отношений в принципе не может быть решена без ученых, без использования той могущественной силы науки, которую они в состоянии задействовать, в интересах развития личности и повышения качества социальной организации. Этика ответственности, становясь краеугольным камнем научного гуманизма, руководствуется теми ценностями, которые актуальны для всего общества, но вместе с тем она дает возможность ученым усовершенствовать уже имеющиеся ценностные ориенти-

ры научного поиска и создать рационально обоснованную теоретическую основу для выдвижения новых гуманистических ориентиров научной деятельности. Об этом свидетельствует появление на исходе XX столетия целого комплекса направлений прикладной этики, в которых этические требования к конкретным наукам опираются на детально разработанные научные программы [11; 70–71].

Подлинный долг науки состоит в том, чтобы постоянно уделять внимание обновлению эпистемологических требований с целью выработки таких условий научной деятельности, в которой нормой станет осознание ответственности ученого за возможное возникновение потенциально опасных ситуаций, своевременное информирование о возможных последствиях и постоянный поиск мер, предотвращающих опасности, особенно возникающие по недомыслию самого человека. Благодаря своему этическому потенциалу наука в состоянии преодолевать свою объективистскую ограниченность и с помощью своих специфических методов оказывать помощь в разрешении кризисных ситуаций другим областям деятельности.

Ответственность ученых предполагает их активное участие в решении назревших проблем цивилизации, но не выведением этих проблем за пределы общечеловеческого дискурса в область «научной индифферентности», а внесением в их решение основополагающих принципов научной деятельности — объективности, доказательности, критичности. Важно учитывать, что деятельность современного ученого не замыкается в рамках специальных исследований. Она включает и преподавание, и обработку информации, и популяризацию достижений науки. Нередко ученый выступает в роли консультанта или эксперта по вопросам своей специальности, имеющим социальную значимость. Такое расширение культурной функциональности ученого — закономерное следствие усложнения процесса интеграции науки в систему социальных отношений. Поэтому и в самом научном сообществе происходят существенные сдвиги, связанные с расширением границ социальной ответственности ученых. С одной стороны, сквозь призму этики ответственности рассматриваются не только последствия применения достижений науки в практике, ее готовящиеся или уже осуществившиеся проекты, но и сами процессы исследования, внутренний мир научной деятельности. С другой стороны, изменяется понимание статуса субъекта социальной ответственности науки. Акцент переносится с общего, а потому абстрактного образа науки, на отдельные научные дисциплины, проблемные области, исследовательские коллективы, а с возрастанием глобальной неустойчивости — на конкретного ученого. «Все отчетливее проявляется понимание того непреложного факта, что если не будет в геометрической прогрессии возрастать социальная ответственность ученых, роль нравственного, этического начала в науке, то человечество, да и сама наука, не смогут развиваться даже в прогрессии арифметической» [12; 163].

Таким образом, современная философская мысль аргументирует в качестве радикальной стратегии самоизменения научной деятельности соединение поиска истины с расширением этических регулятивов научного поиска, согласование идеи о самоценности истины с идеями о нравственности как необходимой предпосылки истины. Вызревающая на этой почве постнеклассическая рациональность предлагает стимулы для роста новых ценностей и мировоззренческих ориентаций, которые открывают новые перспективы для диалога научных и вненаучных форм культуры. Сегодня от научной деятельности все больше начинают требовать не просто технологических приложений, но и того, чтобы ее результаты позволяли удовлетворять вполне конкретные запросы общества и потребности человека. Растущая практическая эффективность научной деятельности в тех областях, которые ближе всего к повседневным нуждам и интересам рядового человека, становится серьезным фактором, ускоряющим развитие науки и технологий. В этом контексте вопрос о взаимоотношениях науки и общества приобретает новые очертания: теперь становится ясно, что проблема возникновения опасений по поводу безопасности научных исследований кроется не в отсутствии научной компетентности у простых людей, а в том, что наука и базирующиеся на ее основе новые технологии ставят перед лицом человека новые трудности, новые проблемы. На смену сложившейся на базе безапелляционного признания превосходства науки над другими формами познания, модели коммуникации науки и общества, в рамках которой главной проблемой считается несостоятельность населения в понимании деятельности научного сообщества, приходит другая модель, которая подчеркивает необходимость диалога между ученым и гражданином и самого серьезного отношения к знаниям и верованиям различных слоев социума [13; 52–53].

В целом же можно сказать, что одной из наиболее значимых отличительных характеристик современной научной деятельности становится изменяющееся место в ней того, что относится к нравственной проблематике. На протяжении долгого времени наука отстаивала идеалы беспристрастно-

сти, свободы от нравственных ценностей — как гаранта получения достоверных знаний. Сегодня ситуация существенно усложнилась: речь вовсе не идет об отказе от этих идеалов, тем не менее нравственное измерение начинает восприниматься как существенная характеристика и изучаемой наукой реальности, и самого научного познания. В.С.Степин, в частности, говорит о том, что трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекоразмерным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с внеучными ценностями общесоциального характера. «Научное познание начинает рассматриваться в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества, детерминируемая на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками» [14; 164].

Готовность современного ученого соответствовать в своей деятельности нравственным требованиям этики ответственности должна становиться личным убеждением уже на этапе получения профессионального образования [15; 166]. Для этого необходимо задаваться не только традиционными для науки вопросами о способах получения объективных знаний о мире и методах технического овладения миром, но и спрашивать себя о том, хотим ли мы этого, должны ли мы это делать, имеет ли это, в конечном счете, какой-нибудь смысл. А это уже может рассматриваться как актуальная задача для всего социума — выработать новую концепцию познания, генерирующую такие качества индивида, как когнитивная уникальность, самосознание, самоорганизация, способность работать в условиях неопределенности, отдавая себе отчет о конечном смысле собственной деятельности.

Список литературы

- 1 Порус В. Этика науки в структуре философии науки // Высшее образование в России. — 2007. — № 8. — С. 137–147.
- 2 Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Вопросы философии. — 1972. — № 7. — С. 136–176.
- 3 Гуссерль Э. Начало геометрии: Пер. с фр. и нем. — М.: Ad Marginem, 1996. — 267 с.
- 4 Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. В.В.Бибихина — М.: Республика, 1993. — 447 с.
- 5 Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Опыт философской герменевтики: Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1988. — 700 с.
- 6 Адорно Т. К логике социальных наук // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76–86.
- 7 Хабермас Ю. Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса // Вопросы философии. — 1994. — № 10. — С. 53–67.
- 8 Мирская Е.З. Этические регулятивы функционирования науки // Вопросы философии. — 1975. — № 3. — С. 131–138.
- 9 Бандурина И.А. Этика науки и этика ученого // Высшее образование в России. — 2010. — № 5. — С. 161–164.
- 10 Швейцер А. Культура и этика: Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1973. — 343 с.
- 11 Войскунский А.Е., Дорохова О.А. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы // Вопросы философии. — 2010. — № 5. — С. 69–83.
- 12 Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: Проблемы и дискуссии. — М.: Политиздат, 1986. — 399 с.
- 13 Юдин Б.Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии. — 2010. — № 8. — С. 45–57.
- 14 Степин В.С. Научная рациональность в гуманистическом измерении // О человеческом в человеке / Под общ. ред. И.Т.Фролова. — М.: Политиздат, 1991. — С. 138–166.
- 15 Бандурина И.А. Об ответственности современного ученого // Высшее образование в России. — 2008. — № 6. — С. 165–168.

К.Ш.Джалилов, П.П.Солощенко

Жауапкершілік этикасы қазіргі заманғы ғылыми әрекеттің императиві ретінде

Мақалада ғаламдық тұрақсыздық дәуірінің әлеуметтік өзгерістер жағдайындағы ғылыми қызметі мәнін негіздеудің философиялық аспектілері қарастырылады. Қазіргі уақытта ғылым мен ғылыми-техникалық прогрестегі техногенді өркениет үшін дәстүрлі құндылықтарға күмән тууда. Адамзаттық коммуникация мәселесі контекстіндегі ғылыми қызметтің негізгі философиялық тұжырымдамалары, адамның өзі тудырған әлеуметтік құрылымдардан өзінің жатынуы мәселелері талданады. Осындай жағдайдан шығу үшін ғылыми қызметке гуманистік өлшемдер беруіміз керек. Бұл ұсыныстың аспектілерінің бірі ретінде жауапкершілік этикасына, оның адамгершілік талаптарына бағыт-бағдар беретін ғылымның жаңа кейіпі мәселесі қалыптасады.

K.S.Jalilov, P.P.Soloschenko

The ethics of responsibility as an imperative of modern scientific activity

In article philosophical aspects of a substantiation of sense of scientific activity in the conditions of social transformations of an epoch of global instability are considered. Values of a science traditional for a technogenic civilization and scientific and technical progress are called into question. The basic philosophical concepts of scientific activity in a context of a problem of human communications, overcomings of alienation of the person from it of the generated social structures are analyzed. The crisis way out consists in giving of scientific activity of humanistic measurement. As one of aspects of this position the problem of new shape of the science which are guided by ethics of responsibility, its moral requirements are formulated.

УДК 130.122

И.В.Рынковой

Православный Свято-Тихоновский государственный университет, Москва, Россия

Гносеологические аспекты религиозного сознания

Статья посвящена проблеме религиозного сознания. Автором затронута актуальная проблема взаимоотношения веры и знания. Показано, что путь веры есть особенный способ познания, включающий сверхрациональный тип знания, который превышает человеческий разум и является свидетельством приобщения к реальности более высокой, чем телесный мир. Основное внимание уделено проблеме восстановления гармонии и взаимосвязи между религиозным, философским и научным видением мира, где обязательным условием является признание существования трансцендентного начала, не доступного разуму. Исследование подвижнической практики понято автором как необходимая задача, ведущая к созиданию личности и являющаяся высшей целью, ориентируясь на которую человек вступает в область преображенного бытия.

Ключевые слова: философия, разум, познания, культурные традиции, духовные традиции, научный разум, логический анализ, западноевропейская гносеология, рационально-логическое познание, мышление.

Ответы на вопросы о том, как осмыслить полноту разума, полноту познания, во многом определялись теми культурными и духовными традициями, в рамках которых развивалась та или иная философия.

Начиная со времен античности, основной проблемой философии является проблема специфики научного разума как способности к чисто логическому анализу. На протяжении многих веков (вплоть до конца XIX в.) господствующая линия западноевропейской гносеологии обращала внимание в основном на рационально-логическую сторону познания. Однако еще в XVII в. Б.Паскаль пытался направить философский взгляд на «разум сердца».

Перед нами два различных образа познания бытия. Первый путь к познанию выражается в том, что познавательная способность человеческого духа, направленная вовне, встречаясь с бесчисленным разнообразием явлений, видов, форм, бесконечным дроблением всего происходящего, умом настоль-